

Г. ЧУЛКОВ

Лицом к лицу

(По поводу заседания Петербургского
религиозно-философского общества
30 декабря 1908 года)

Пророк Иеремия говорит о «чаше с вином ярости», которую Бог вручил ему, чтобы напоить из нее народ. «И они выпьют, — говорит Господь, — и будут шататься и станут безумными при виде меча, который Я пошлю на них»¹. Александр Блок в своей новой песне, которую он назвал «докладом о стихии и культуре», пьян вином из чаши Иеремии. Воистину поэт видит меч, над ним занесенный, и, право, безумствует, как Израиль, потрясенный предсказаниями пророка.

Безумие заразительно. В безумии есть великая радость — радость освобождения от логики, от «геометризма», как выражается один современный философ². От этого жестокого плена логики поэт освободился, но — к сожалению — освободился не до конца. Правда, в этом реферате логики меньше, чем в предыдущем, но все же она кое-где присутствует, и от этого лад и строй реферата нарушается. Ритм геометрии иной, чем ритм лирики. Может быть, найдется в иные века гений, который сумеет открыть гармонию для этих двух ритмических потоков, но пока эта гармония не найдена.

Итак, приходится рассматривать в докладе Блока два ряда идей. Первый ряд — хочет или не хочет того докладчик — подлечит логическому разбору и критике, второй ряд состоит из таких идей, возражать против которых невозможно: надо или принять их, или отвергнуть.

В пределах первого ряда мы видим такие идеи и понятия, как стихия, культура, интеллигенция, народ и т. д.; в пределах второго ряда — такие образы-идеи, как «Церкви, воплощенные Богородицы, идущие по холмам», «реки, обращенные вспять»,

«любовь, политая кровью», и «Земля Божья», о которой напомнил поэту какой-то сектант.

И вот я слышу Блока, когда он говорит про «святую любовь» и «литые ножички». Я слышу его, когда он предсказывает, что революционеры и сектанты не предадут друг друга в роковой час, потому что они дети одной тишины и одной грозы. Но голос Блока становится для меня чужим и невнятным, когда он пытается *напугать* кого-то этим союзом.

Кого же он хочет напугать? Возражая Блоку, я утверждал, что интеллигенция *органически* связана с народом. Под интеллигенцией я разумел прежде всего тех, кто активно участвовали и участвуют в жизни народа, — я разумел Рылеева и Герцена, Добролюбова и Глеба Успенского, я разумел тысячи учителей и земских врачей, о которых с таким барственным сожалением говорит Блок, я понимаю, наконец, всех тех казненных, тени которых бродят среди нас. Все они и живые и мертвые — я говорю: *и живые, и мертвые* — не боятся предсказаний Блока.

А тот, кто боится, тот не с народом и не с интеллигенцией. Блок называет это страшным оптимизмом. Не знаю, может быть, это и оптимизм; но дело тут не в словах, а в их сущности. Блок рисует странную картину: есть кучка культурных людей, слепых и трусливых, и есть стихия народа, готовая поглотить эту кучку. Я думаю, что дело обстоит не так просто, как представляется Блоку. Россия не так разделилась и не только на два стана. Есть огромная масса православных крестьян, требующих земли и воли, но еще инертных и косных, как все собственники, хотя бы и мелкие, хотя бы и полуголодные. Как оазисы в пустыне, рассеяны среди этой массы сектанты, почти все коммунисты по убеждениям, почти все революционеры по духу. В городах с нетерпением ждет революционной грозы пролетариат, всегда мятежный, которому нечего терять и который презирает деревню.

Наша интеллигенция — глаза и уши народной массы. Она рассеяна и по деревням, и по городам, и всегда готова примкнуть к восстанию. Разве она не доказала этого?

Про какую же интеллигенцию говорит Блок? Не про ту ли, которая составляет большинство Третьей Думы? В таком случае я отказываюсь понимать язык Блока. На моем языке это называется буржуазией и привилегированным дворянством, а не интеллигенцией.

Все эти возражения обращены к тому ряду идей, которые — на мой взгляд — подлежат логическому разбору. Здесь Блок несостоятелен. Но если мы забудем притязания Блока на идей-

ную определенность, а вслушаемся в ритм его переживаний, непосредственно раскрытых в его докладе, мы должны будем признать, что ритм этот, порывистый и торопливый, воистину предвещает великий бунт. Как чайка, предчувствуя бурю, носится низко над водой, ища в чуждой ей стихии защиты от вихрей, поэт, смущенный надвигающимися грозами, обращается к народу, народности, России...

Но я думаю, что великий бунт, о котором надо теперь говорить, есть тема не только национальная, а мировая, что всякие деления на интеллигенцию и народ и даже на культуру и стихию — деления отвлеченные, бесплодные и произвольные. Неблагополучие наше раскрывается совсем в иной области. Не интеллигента надо противопоставлять народу, а личность общественности. Городской рабочий, твердо запомнивший формулы марксизма, ученый либерал-профессор, русский мужик и французский крестьянин — все они безнадежно одиноки и обречены на гибель, подобно слепцам, брошенным в лабиринте. Они еще бродят, как автоматы, среди стен, не подозревая, что нет выхода. Но когда кто-нибудь, имеющий не только голос, но и власть, крикнет им о надвигающейся гибели, они разобьют свои головы о мертвые стены. Вот эта тема о мировом неблагополучии была — на мой взгляд — затронута А. А. Мейером в его реферате «Религия и культура»³. Правда, по остроумному замечанию Б. Г. Столпнера, в реферате Мейера была не только непримиримая формула «Или-или», но и формула компромиссная «Но-но». Я думаю, однако, что формула компромиссная — случайное недоразумение. Основная идея ясна — религия несовместима с мирным прогрессом. Культура входит в соприкосновение с религией лишь в моменты катастроф. Если я верно понял идею Мейера, идея эта воистину мистико-анархическая. Однако надо точнее условиться, что мы разумеем под культурой. В моей брошюре «О мистическом анархизме»⁴ я писал: «Всякое *механическое* начало в истории и в космосе нам равно ненавистно, будет ли оно проявляться как государство, — или как социальный порядок, — или как законы природы. Мы можем быть политиками, но в обратном смысле, т. е. мы должны участвовать в политической жизни, поскольку она динамична и революционна, поскольку она *разрушает* государственные формы; и в социальной борьбе мы должны участвовать, поскольку дело идет о разрушении того порядка, который экономически закрепощает личность, но всякое строительство, политическое и социальное, недопустимо с нашей точки зрения: наши построения совершаются *вне* механических отношений» (с. 78).

Итак, если А. А. Мейер под культурой понимает *механическое* начало в истории, он — с моей точки зрения — всецело прав. Я думаю, однако, что Мейер недостаточно твердо подчеркнул, что в историческом процессе наряду с моментом интеллектуальным, механическим или *геометрическим*, по выражению Бергсона, есть еще иной момент — момент творчества, всегда катастрофический. В этом смысле революционно искусство. Потому так неразрывно оно связано с культом и религией.

Итак, если бы можно было мятежный пафос Блока сочетать с умными идеями Мейера, перед нами развернулась бы широкая и вольная дорога к абсолютной цели. Пожалуй, и эту надежду Блок назовет страшным оптимизмом. Пусть так. Вряд ли только удачно это определение в том случае, когда живо чувство «тревоги, катастрофы, разрыва». Это чувство не должно, однако, угашать в нас разума. И если чувство это подобно динамиту или той бомбе, о которой живописно рассказал Блок, то все же нет надобности бросать эту бомбу так, зря. Блок однажды заявил, что он ничего общего не имеет с мистическим анархизмом⁵. Это верно. Зато он имеет нечто общее с анархическим мистицизмом, с тем мистицизмом, который определяется настроением и лирикой. Такой безрелигиозный анархизм не имеет ничего общего с тем мистическим анархизмом, который я исповедую.

Анархический мистицизм, который некоторые путают с мистическим анархизмом — не то по неумности, не то со злым умыслом, носит в себе, однако, элементы взрыва. Но до сих пор, к сожалению, сила этого взрыва была всегда направлена как-то в сторону. О, если бы этот пафос нашел для себя, наконец, идейную форму. Ведь перед нами такие реальности, как официальная церковь, церковь лишь по имени, давно уж порвавшая связь с церковью мистической, перед нами абсолютизм с его системой государственного террора, перед нами, наконец, буржуазный порядок, где торжествует Механика, как Железная Смерть. Не пора ли нам встретить жизнь лицом к лицу?

